

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 163—168.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 163—168.

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.46726/И.2023.3.17

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЙСТОРИЗАЦИЯ: ОТЧУЖДАЮЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ЭКСПРОПРИАЦИЯ ДАННЫХ И ЦИФРОВОЕ РАБСТВО

Сильвия Стефановна Минева

Софийский университет им. Св. Кл. Охридского, г. София, Болгария,
silvia_mineva@abv.bg

Аннотация. В статье предлагается анализ механизмов и последствий экспроприации персональных данных в Интернете и, в частности, в социальных платформах, с целью извлечения добавленной стоимости и капитализации в новых сферах жизни, таких как неформальное общение и межличностный обмен информацией. Развитие этой практики приводит к возникновению новых форм скрытого принуждения и зависимости современного человека: цифрового рабства, отчуждающего эффекта (высшего) образования и потери исторического контекста человеческого сознания и мировоззрения из-за дефицита исторического мышления и знания как процесс деисторизации. Анализ обсуждаемых в статье явлений приводит к выводу, что для их преодоления необходимо не только правовое регулирование, но и пересмотр принципов современного социального, экономического и технического прогресса, которые ведут к навязыванию технологического господства в мире как автоматический, слепой процесс и потери исторического смысла общества и человеческой жизни. Такая ревизия не под силу технологам и технократам, потому что она требует гуманитарных знаний и подхода.

Ключевые слова: экспроприация данных, цифровое рабство, отчуждение, высшее образование, деисторизация

Для цитирования: Минева С.С. Технологическая деисторизация: отчуждающее образование, экспроприация данных и цифровое рабство // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 163—168.

Original article

TECHNOLOGICAL DEHISTORICIZATION: ALIENATING EDUCATION, DATA EXPROPRIATION AND DIGITAL SLAVERY

Silviya S. Mineva

Sofia University St. Kl. Ohridski, Sofia, Bulgaria, silvia_mineva@abv.bg

Abstract. The article proposes an analysis of the mechanisms and consequences of the expropriation of personal data on the Internet, and in particular on social platforms, in order to extract added value and capitalize in new areas of life, such as informal communication

© Минева С.С., 2023

and interpersonal information exchange. The development of this practice leads to the emergence of new forms of hidden coercion and dependence of modern people: digital slavery, the alienating effect of (higher) education and the loss of the historical context of human consciousness and worldview due to the lack of historical thinking and knowledge as a process of dehistoricization. An analysis of such phenomena leads to the conclusion that in order to overcome them, not only is a legal regulation necessary, but also a revision of the principles of modern social, economic and technical progress, which lead to the imposition of technological domination in the world as an automatic, blind process. Such a revision is beyond the power of technologists and technocrats, because it requires humanitarian knowledge and approach.

Keywords: expropriation of data, digital slavery, alienation, higher education, dehistoricization

For citation: Mineva S.S. Technological dehistoricization: alienating education, data expropriation and digital slavery, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 163—168.

Сегодня люди ожидают, что технологический прогресс обеспечит им большую свободу, долгую жизнь, крепкое здоровье, быстрый доступ к информации, немедленное общение, новые удовольствия и развлечения, что позволит заполнить свободное время. Идея о технологической панацее, вера во всемогущество техники и в ее возможности решать проблемы каждого не новая и имеет свою историю. Однако сегодня она очень удобна для оправдания глобальной технологической экспансии, нарастающего технологического контроля над человеком и распространения технологического господства на весь мир. Начало этой экспансии было положено в XX веке мировой гонкой вооружений. Благодаря этой гонке многие технологии, которые сегодня нам привычны, такие как микроволновые печи, спутниковое телевидение, контактные линзы, Интернет и др., были созданы в результате глобального соперничества за военное превосходство. Их появление и использование подтверждают неоднозначность технического прогресса, новейшая история предоставила нам довольно много примеров: лампочка и электрический стул, атомные электростанции и атомные бомбы, автономные машины и автономное оружие...

Неоднозначность технического прогресса продолжается и углубляется сегодня, когда планетарные и космические масштабы прогресса подвергают нас глобальным экологическим и социальным рискам — угрозе ядерной катастрофы, необратимому изменению климата, нарастающему социальному и экономическому неравенству и общей неопределенности. Помимо физических угроз уничтожения планеты и природы мы уже сталкиваемся и с рисками, которые возникают из-за усиления зависимости людей от новых, интеллектуальных технологий коммуникации, информации, дистанционного общения, обучения и др., которые вторгаются во внутренний мир человеческого познания, мышления и чувств. Все больше современные критики технологичной парадигмы замечают возможные опасные последствия этого вторжения и предупреждают о них. Так, например, гарвардский профессор Шошана Зубов замечает, что в отличие от индустриальной цивилизации, которая развивалась за счет естественной природы, информационная развивается за счет человеческой природы и угрожает изжить нас от нее, рассчитывая на капитализированные формы наблюдения [Zuboff: 16].

Как участники онлайн мира мы полагаемся на интеллектуальные технологии персонализации нашего контента в Google, которые помогают нам ориентироваться в интернете в соответствии с нашими личными предпочтениями. В результате все пользователи сети генерируют множество персональных

данных, которые алгоритмы собирают, систематизируют и сохраняют. Наш цифровой след описывает нашу личность и с каждым последующим онлайн действием становится все более подробным и конкретным. Обработка данных осуществляется непрерывно и ежечасно такими платформами, как Facebook, Google, Amazon. Она заключается в экспроприации данных через их идентификацию, «диссекцию» и сортирование отдельных элементов поведения пользователей, таких как их предпочтения, социальные связи, реакции на сообщения и рекламные объявления, или с помощью веселых опросов и игр [Минева, Карагеоргиева: 9—15]. В результате обработки мысли чувства, переживания и желания «эмансипируются» от каждого потребителя как их создателя и собственника, а сами потребители становятся сырьем для их производства и превращения в товар рынка цифровой экономики, который «кормит» финансовые потоки технологических инноваций. Так мы незаметно становимся цифровыми существами, которые живут в хранилищах данных и путешествуют по каналам их передачи. Но эти каналы и хранилища не являются нашей собственностью. Хотя потребление контента онлайн-платформ и использование социальных сетей является для нас бесплатной услугой для обмена информацией и общения, все они управляются как частные капиталистические предприятия, независимо от того, идет ли речь о физическом или нематериальном капитале [Фери 2017: 154—157].

Интернет-технологии отслеживают и документируют все действия в онлайн-пространстве, превращая пользовательские данные в источник прибыли. Чтобы обеспечить непрерывный поток данных, платформы приглашают пользователей ежеминутно поделиться мыслями, опытом, впечатлениями, проблемами. Каждый день Facebook спрашивает своих потребителей, что они думают, предлагает им посетить интернет-магазины и коммерческие сайты или пройти забавный тест и поделиться его результатами с друзьями. Преобразование в данные того, что подделано, придает материальное измерение общению и человеческой социальности, а за добровольным на первый взгляд участием в цифровой вселенной скрывается незаметное принуждение к их экспроприации. Обмен данными и профилирование пользователей происходит тем интенсивнее, чем больше им предлагаются новые возможности для участия и активности в онлайн-мире торговли, услуг, общения, обучения и развлечения. Таким образом, социальные сети эксплуатируют естественные проявления любопытства и социальности людей и позволяют присваивать плоды их незаметного «цифрового труда» как производителей данных. Хотя результаты этого труда продаются по высокой цене и приносят круглосуточно прибыль своим продавцам, пользователями он выполняется совершенно бесплатно, становясь аналогией цифрового рабства [Vandenberghe: 883].

Как технология алгоритмическое извлечение, анализ и сохранение данных может быть инновационным и новым шагом технического прогресса, но цели использования технологии не являются ни новыми, ни революционными. Речь идет о коммерциализации все более разнообразных сфер жизни и деятельности человека через их преобразование в новые территории для эксплуатации и извлечения прибавочной стоимости. Как новый вид эксплуатации человека появление и развитие цифрового рабства требует пересмотра понятий о собственности и «рабстве» в контексте онлайн-систем для мониторинга, контроля и манипулирования поведением путем воздействия на волю способами, которые остаются скрытыми для манипулируемых, и таким образом повышают уровень принуждения [Chisnall: 488]. Речь идет о возможностях современных компаний,

организаций и корпораций, обладающих огромными объемами персональных данных, склонять своих пользователей к желаемому поведению с помощью эффективных маркетинг-стратегий и персонализированных предложений, сформулированных с учетом их индивидуальных особенностей. В результате в цифровом пространстве возникают новые формы манипуляции и поведенческого контроля, а онлайн-мир формирует убеждения, навязывает правила и диктует, как и что мы потребляем. Таким образом, сегодня мы сталкиваемся с ранее неизвестными, глобальными возможностями и уровнями дезинформации, социальной поляризацией, неравенством, отчуждением, монополизацией доступа информации и ее манипулированием, неважно, идет ли речь о вакцинах или войнах. Это приводит не только к превращению в товар межличностного общения, обмена информацией, знаниями и т. д., но и к затруднению общественно-политического диалога [Keen: 5—10].

Поэтому многие современные критики подчеркивают политическую значимость дискуссии о технологиях и настаивают на том, что они нуждаются в более строгом правовом регулировании, но его реализация оказывается очень сложной из-за господствующего в обществе духа потребительства, а также из-за частных интересов, которые стоят за стимулированием искусственных потребностей с помощью техники и ее ускоренного совершенствования. Это приводит к бесконечной гонке технологий и правил их применения. В этой гонке дистанция увеличивается в пользу технологий, потому что регулирование зависит от демократического представительства в государственном управлении интересов разных групп общества, включая интересы технологического бизнеса или его лоббистов. В результате эффективность правового регулирования оказывается скромной и часто сомнительной из-за компромиссного характера норм, которых требуют либеральный общественный порядок и рыночная экономика. Более того, как это ни парадоксально звучит, но даже судебная система вынуждена прибегать к технологиям и услугам искусственного интеллекта ради собственной эффективности. В некоторых странах — Эстонии, США, Китае — уже существуют проекты искусственного интеллекта-судьи и искусственного интеллекта-адвоката, которые полагаются на информацию и данные алгоритмов о людях и их поведении, чтобы сделать вывод о наличии или отсутствии нарушений законов.

Цифровая перспектива технологического контроля и влияния поднимает вопрос о том, что произойдет с обществом, политикой и повседневной жизнью, если цифровое рабство станет нормой, а умные алгоритмы будут в состоянии контролировать нас и манипулировать нашим поведением, потому что они лучше знакомы с нашими телами, способностями и желаниями, чем мы?

Обсуждая этот вопрос, историк и антрополог Ю.Н. Харари делает прогноз, что если люди продолжат заботиться о скорости Интернета, развитии искусственного интеллекта и фондовых индексах больше, чем о социальной справедливости, правде и собственной гуманности, в конце концов они утратят свой суверенитет как свободные личности и станут апатичными, социально бесчувственными, а в мире установится цифровая диктатура и власть алгоритмов, которая сотрет границы между экономикой, политикой, культурой, религией, наукой, образованием [Харари: 59—60]. Так, Харари утверждает, что негативные последствия экспроприации данных и дегуманизация человека и его жизни требуют пересмотра целей и принципов, управляющих сегодняшним миром. Тот же самый пересмотр имел в виду и французский философ Люк Ферри, когда отметил, что наш настоящий мир теряет смысл, потому что он лишен цели и направления [Ферри 2010: 196]. По его мнению, причина этого дефицита смысла в том,

что в условиях либеральной глобализации люди не в состоянии коллективно писать свою историю, участвовать в ней и иметь право голоса для определения своей судьбы и ее изменения к лучшему. Наоборот, сегодня ничто не дает нам уверенности в том, что история повернулась к лучшему, и нельзя ожидать, что превращение всего в товар и технологию, а человека — в кучу данных приведет в будущем к появлению более свободных и счастливых людей. По сути дела, речь идет об деисторизации как о лишении человека, общества и жизни исторического контекста вслед за распространением технологического господства в мире как автоматического, слепого процесса.

Феномен деисторизации проявляется по-особому в сфере высшего образования и университетского обучения. Сегодня они становятся все более отчуждающими под влиянием либерально-рыночного взгляда о них как образовательной индустрии, которая заставляет преподавателей уделять все больше и больше времени формальным обязанностям в ущерб исследованиям и преподаванию. Они должны заполнять огромное множество бесконечных форм, таблиц, опросов, отчетов и планов во имя прозрачности и эффективности университетского образования и его управления, которые сегодня обсуждаются с терминологией рыночной фразеологии. Согласно этой фразеологии, образование — товар, предоставление знаний — коммерческая сделка, преподаватели — поставщики образовательных услуг, студенты — их потребители, вузы — предпринимательские организации, а научные исследования — коммерческая деятельность, основанная на инвестициях в прикладные области знаний. Таким образом, академический мир погружен в корпоративную культуру и глобальную рыночную конкуренцию, а университеты больше заботятся о себе и меньше о внешнем мире. В результате в XXI веке университет функционирует как система, направленная прежде всего на обеспечение большего количества студентов дипломами, а высшее образование с помощью компьютеризации и внедрения современных технологий дистанционного обучения развивается как индустриальная отрасль по производству сертификатов и выпускников. Диплом считается тем более значимым, чем выше находится университет в международных и национальных рейтингах вузов, которые соревнуются друг с другом не только по уровню качества образования, но и по уровню роскоши, предлагаемой студентам, в виде спортивных залов, лучших общежитий, известных всем выпускников, хотя и не связанной с образованием или наукой.

Важный аспект растущей формализации процесса получения высшего образования и индустриализации университета — развитие дистанционного обучения как образовательной технологии, которая дает возможность проводить занятия без необходимости физического доступа к университетской базе, углубляя отчуждение между членами академического сообщества в виду отсутствия их неформального, личного общения, к которому предрасполагают очные занятия [Минева: 104]. Разумеется, происходящее сегодня с университетским образованием не единичное явление и в конечном счете оно отражает состояние и трансформацию общественных отношений вслед за экономической глобализацией, основанной на технологической экспансии, свободном рынке и бесконечной конкуренции.

В итоге приходится признать, что общественное развитие, сводящееся к превращению всего — от науки, образования и общения до частной жизни в товар и технику, а человека — в кучу данных, указывает на будущее не более свободных и счастливых людей, а на будущее цифровых рабов, служащих

технологическому прогрессу и бесконечному наращиванию капитала. В бесконечном росте капитала и развитии технического прогресса как самоцели Люк Ферри видит основную проблему сегодняшнего дня. По его словам, проблема современного капитализма не в том, что он делает богатых богаче, а бедных беднее, а в том, что отнимает у всех нас влияние на историю и лишает ее всякого смысла, распространяя технологическое господство на весь мир [Фери 2010: 197]. К этому можно добавить, что, если мы не хотим лишать историю, а значит, и самих себя смысла, нам придется пересмотреть примат индивидуалистических ценностей, группово-частных интересов и рыночных отношений, господствующих сейчас над представлениями об общем благе, человечности и прогрессе, за счет заботы о человеческом в человеке, естественном в природе и справедливости в обществе. Эта забота требует политики, экономики и образования, которые не под силу технологам и технократам, ибо она состоит в гуманитарном понимании человека, мира и общества, которое опирается больше на историю, философию и литературу, чем на право, технологии и экономику.

Список литературы / References

- Минева С.С. Дистанционное университетское образование: между академической традицией и цифровой деменцией. // Ноосферные исследования. 2021. №1. С. 99—105. (Mineva S.S. Distance university education: between the academic tradition and digital dementia, *Noospheric studies*, 2021, no. 1, pp. 99—105. — In Russ.)
- Минева С., Карагеоргиева А. Экология на виртуальных реалиях: големы данни, дигитална рационалност и техномистицизъм. София, 2021. 182 с.
- Фери Л. Да се научим да живеем. История на философията за новите поколения. София: 2010. 252с.
- Фери Л. Трансхуманитарната революция. София, 2017. 248 с.
- Харари Ю.Н. 21 урока за 21 век. София, 2019. 432 с.
- Chisnall M. Digital Slavery, time for abolition?, *Policy Studies*, 2020, vol. 41 (5), pp. 488—506.
- Keen A. The Internet is not the answer, London: Atlantic Books, 304 p.
- Vandenberghe F. Deleuzian capitalism, *Philosophy & Social Criticism*, 2008, vol. 34 (8), pp. 877—903.
- Zuboff S. The age of surveillance capitalism. The fight for a human future at the new frontier of power, New York: Public Affairs, 2019, 785 p.

Статья поступила в редакцию 21.04.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 01.06.2023.

The article was submitted 21.04.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Минева Сильвия Стефановна — доктор философских наук, профессор кафедры логики, этики и эстетики, Софийский университет им. Св. Кл. Охридского, г. София, Болгария, silvia_mineva@abv.bg

Mineva Silviya Stefanova — PhD, Professor of the Department of Logic, Ethics and Aesthetics, Philosophy Faculty, Sofia University named by St. Kl. Ohridski, Sofia, Bulgaria silvia_mineva@abv.bg